дневнике: «Ночью закончил перевод трех рассказов Чехова, лифов; полностью завершена ва можно проследить в творчеработа над всеми 8 рассказа- стве целого ряда китайских пи-

бя талантом Чехова, который был дорог и близок его сердцу лирика и бойца, и в известной мере испытал на себе влияние чеховского творчества. Еще лантливых современных китайв молодые годы во время уческих драматургов, интересен бы в Японии он собирался переводить «Дуэль». Другие дела и замыслы в ту пору отвлекли писателя. Но Чехову он осравался верен всю жизнь.

Позже Лу Синь писал, что книгам Боккаччо и Гюго он предпочитает книги Чехова и Горького, «ибо они ближе к нашему миру», а однажды он любимый писатель.

Многое роднит этих двух мастеров слова, многое их объ-

китайские пришибеевы, хаме- ет она и в «Синантропах». леоны и беликовы, точно так же коптившие небо в Китае, как и в старой России, боль за судьбу талантливых, обездоленных людей вызывали у Лу Си-ия, как и у Чехова, большую тому, что обоим писателям была близка медицина, они умели зорко разглядеть болезни ду, верили в человека, в силу

сателей, идейная и духовная, лей, способных лишь строить

сказалась и в том внимании, которое оба уделяли «маленькому человеку», и в том, что оба они заговорили об ответственности интеллигенции перед народом. Чехова - реалиста китайский писа-Синь тель Лу учился не только глубине и зоркости видения, но и умению строить сюжет, не задерживаться на второстепенном, побочном, стремясь лишь к

тому, чтобы достаточно полно передать свои Су-фан, мысли.

Но Чехов и Лу Синь жили в разные эпохи. Отсюда и существенное различие в их творчестве. Первым это точно подметил Го Мо-жо в своей статье верит: придет весна, придут «Чехов на Востоке», написан- лучшие, счастливые дни. ной 16 лет назал. «То, что твор» венными глазами увидеть побе- взгляд драматический элемент. тесную, кровную связь творче- эпохи. ства этих художников слова.

R ПАСМУРНОЕ воскре- На произведениях Чехова в сенье 24 марта 1935 года Китае воспитывались многие Лу Синь записал в своем литераторы-бойцы, те, кого Лу Синь называл тогда «разруши» всего около восьми тысяч нерог- телями словом». Влияние Чехосателей, начиная с прозаиков Лу Синь неизменно восхищал- Мао Дуня, Ба Цзиня и других и кончая драматургами Ся Янем и Цао Юем.

Пао Юй — один из самых таских драматургов, интересен тем, что он, как никто другой, испытал влияние чеховской драматургии. И неслучайно Цао Юй пишет: «Чехов открыл Дерестичений и дерестичений дерести передо мной большие ворота».

Своими пьесами, созданными в мрачное время гоминдановского господства, Цао Юй так же, как и Чехов, предсказывал, что солнце должно взойти. «Я намекал на великое будущее...» — говорит Иао Юй. Тема эта звучит и в Унылая, однообразная жизнь, его пьесе «Восход», присутству-

Будучи подлинным художником, Цао Юй, создававший свои пьесы три десятилетия спустя после смерти Чехова, в условиобиду за человека, рождали пе- ях иной действительности, дачаль и гнев. Может быть, по- лек от рабского, слепого подражания. Его пьесы глубоко национальны, они — зеркало жизстарого общества; оба страда- ни старого Китая той эпохи. ли, видя страдания людей, стре- Среди героев «Синантропов» мились помочь, вселить надеж- персонажи, у которых мы находим некоторые черты чеховских Близость творчества двух пи- героев, знакомых нам мечтате-

> Таковы многие обитатели «дворянского гнезда» дома Цзэнов. Перед нами проходит «скучная» и не грустная много этих людей. Одни из них, сознавая, что так дальше жить нельзя, смирились, пругие рвутся на волю. пытаются найти силы, чтобы порвать с отживаю-

воздушные замки.

Соня (арт. Лу Си).

Рис. худ. Ху као щим миром. Кроткая, работя ща я Су-фан, родная китайская сестра чеховской Сони, живущая ради одной только мечты, со слезами на глазах го ворит: «Что бы ни случилось, жить все-таки надо». Она

Неслучайно, по-видимому ческая работа Лу Синя, —писал также и то, что вслед за Чехо-Го Мо-жо, — протекала спустя вым Цао Юй назвал эту свою более чем 30 лет после смерти пьесу комедией, хотя в ней и Чехова, позволило ему собст- силен, казалось бы, на первый

ду Октябрьской революции в Сегодня для литераторов на-СССР и подъем прогрессивных родного Китая Чехов по-прежсил в Китае... То, что Чехов нему остается верным учитееще не мог громко, во всеуслы- лем и другом. Цао Юй, напришание сказать, выразили Лу мер, изучает его ныне в под-Синь и Горький». Советский линнике, часто прослушивает писатель А. Фадеев в свою оче- пластинки с записью чеховских редь писал о Лу Сине: «По ду- спектаклей в исполнении артиху он — рядом с Чеховым и стов МХАТа. У Чехова, говорит Горьким». Два эти высказыва- Цао Юй, надо учиться так же китайского и советского глубоко знать сегодняшнюю >>

Р. БЕЛОУСОВ

На снимке: сцена из спектакля «Дядя Ваня» в постановке Китайского театра молодежи (1954 г.)

Через всю жизнь

Ц EXOВ приходит к нам в детстве и сопровождает нас всю жизнь так же, как Свифт, Сервантес, Пушкин, Толстой.

Это - качество гениев. Детьми нас поражает история рыжей собачки, похожей на лисицу, помесь таксы с дворняжкой, и путешествие Белолобого в волчью нору, и ужасный, непоправимый поступок мальчика Ваньки Жукова. Это — на заре жизни. Каждая книга открывается, как неизведан-

ный мир, и мир открывается, как книга. Потом наступает увлечение Антошей Чехонте, Чеховым «Осколков» и «Будильника». Нет ничего смешиее маленьких рассказиков, где одни разговоры, — но какие! Ах, что за удовольствие читать вслух про глупых чиновников, смешных помещиков, жалких актеришек, крестьян с куриными мозгами! А бесчисленные дачники, гувернантки, гимназисты, женихи, кухарки, тетки, городовые, с которыми случаются такие уморительные истории с неожиданными концами! Ведь это смешно до слез, когда ловят налима. Кучер Василий лезет в воду: «Я сичас... Который тут налим?».

Чехов любимый писатель юности. Он и сам юн в годы, когда создаются эти шедевоы юмора, любит шутку, веселье, выдумка его неистощима, он работает упоенно, с блистательной быстротой...

Мы становимся старше, и меняется наша любовь к Чехову. Она меняется всю жизнь. Она вырастает тихо и незаметно, как куст сирени в саду. Уже не «Заблудшие», не «Пересолил» восхищают нас, а поэтичный «Дом с мезонином», грустный и трогательный «Поцелуй», рассказ о даме с собачкой, о доброй Ольге Семеновне, которую называли «душечка», об учителе Беликове,

А потом нам открывается бескрайний, ощеломляющий простор «Степи», мы угадываем затаенные глубины в «Крыжовнике», «Мужикак», понимаем «Скучную историю», понимаем «Студента». Нас пленяет театр Чехова.

И еще остаются его письма, которые можно читать до конца жизни. Влияние Чехова на мировое искусство огромно, даже трудно определить всю его меру. Скажу лишь о частности. Чехов открыл великую силу недосказанного. Силу, заключающуюся в простых словах в краткости

Чтобы увидеть волшебное применение этой силы, не надо даже брать лучшие, знаменитые рассказы. Вот, например, маленький рассказ «Шампанское». Бродяга рассказывает о своей загубленной жизни. Помните конец? Все основные события, вся житейская драма заключены в нескольких словах. «Не помню, что было потом. Кому угодно знать, как начинается любовь, тот пусть читает романы и длинные повести, а я скажу только немного и словами все того же глупого романса:

Знать увидел вас Я не в добрый час...

Все полетело к черту верхним концом вниз...». Вот так рассказ! О самом главном, что должно бы составить его сюжет, автор ничего не хочет рассказывать. «Не помню, что было потом». Но читателю, оказывается, и не нужно ничего больше знать. Жизнь человека вдруг открылась на миг вся, целиком, как одинокое дерево во время грозы, озаренное молнией. И погасла. И читатель все понял сердцем.

Он не понял только одного: как добился писатель этого чуда, этого впечатления при помощи грубых, обыкновенных слов? Чехов писал не о человечестве, но о людях. Его интересовало не

бытие человека, а жизнь его. Жизнь одного, конкретного человека: например, дяди Вани. И все дяди Вани мира ответили трепетом и слевами, когда он написал об одном из них. Он исследовал души. Эта область для исследования безгранична. Вот мы расшенили атом, стреляем в космос, достигли фантасти-

ческих чудес в науке и технике, но душа человека — одного человека, какого-нибудь дяди Вани — по-прежнему остается самым сложным и загадочным явлением природы. Мы будем еще много веков узнавать себя и удиваяться. А эначит будем читать Чехова. Разве не удивительно: нам, советским людям, понятны и близки мысли и чувства чеховских героев! Ведь наша страна изменилась неузнаваемо, изменились нравы, быт людей, строй жизни, весь мир, нас окружающий. И однако — как близки, как понятны! По не мящая сердце грусть, не безнадежная мечтательность чеховских героев делают их такими близкими. Нас волнует другое. Мы чувствуем исходящий из чеховских оассказов и прес стоастный поизыв: «Люди, сделайтесь лучше! Будьте добрее, красивее, чище! Станьте

Этот призыв к совершенству и счастью, окрыляющий все творлитераторов, ярко показывают жизнь, как знал он жизнь своей учество Чехова, будет волновать людей всегда. Ибо всегда человек будет стремиться стать лучше. ю. трифонов

Янка БРЫЛЬ

Читать и перечитывать...

БАЯТЕЛЬНЫЙ образ одного из самых человечных писателей земли вдохновляет нас и наших зарубежных друзей на борьбу за лучшее будущее. Как тут не вспомнить Толстого:

«Чехов... несравненный художник... Да, да... Именно несравненный... художник жизни... И достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное...»

И еще: «...Он один из тех редких писателей, которых... можно много раз перечитывать,

- я это знаю по собственному опыту...» Невольно вспоминается один как будто незначительный случай. Родной человек приехал ко мне с Урала в Минск редким и долгожданным гостем. Ходил со мной по музеям и театрам, смотрел наш новый город, многим восхищался. А потом вдруг этот человек - не литератор, инженер, влюбленный в свою энергетику трудяга, — сказал:

«Давай, брат, сегодня никуда не пойдем, а сядем да почитаем Чехова...».
И мы читали вдвоем у настольной лампы, в каком-то небывало уютном полу-мраке пустой комнаты. Взяли с полки первый попавшийся под руку том, зацепились за первый рассказ... И как же нам было хорошо! Как он похорошел, раскрылся для меня еще одной стороной своей души, мой молодой далекий друг!..

Да, Чеховым начитаться невозможно. например, читаю-перечитываю его вот уже скоро тридцать лет, - начиная осени, когда мне, пятнадцатилетнему крестьянскому мальчугану, в одной из глухых западнобелорусских деревень прислучайно встретиться с «Ведьмой», «Белолобым» и «Ванькой», первыми для меня рассказами дорогого Антона Павловича. Тридцать лет — срок, кажется, вполне достаточный для самой основательной проверки чувств.

Старожилы Минска, друзья книги, помнят, как осенью 1944 года на жутких руинах освобожденного города-партизана появился первый вишневый том полного собрания сочинений и писем Чехова -еще одно прекрасное свидетельство нашей непобедимости.

В те дни я наивно подумал, что вот и прочитаю, наконец, Антона Павловича всего. Хватит, довольно с меня скупых, слувстреч на нелегких тропах то панской, то гитлеровской оккупации!.. На протяжении восьми лет были, по мере их выхода из печати, прочитаны все два-дцать томов. Но Чехов, как вскоре оказалось, все еще не был мною прочитан окончательно.

Через два года мне выпала честь готовить к изданию большой однотомник избранных произведений Антона Павловича в переводе на белорусский язык. Пареводя мою, пожалуй, наиболее любимую вещь — повесть «В овраге», редактируя переводы других товарищей и дважды на протяжении полугода читая корректуру, я окончательно убедился, что Чеховым начитаться — нельзя. Он вечно нов и свеж, до конца не разгадан.

Н АС было трое в машине, направ-лявшейся по Серпуховскому шоссе:

художник Сергей Михайлович Чехов, племянник Антона Павловича, фортепьянный мастер Федор Андреевич Желнин и ваш корреспон-Сергей Михайлович вез с собой лист картона с прикрепленным к нему ватманом и темную складную скамеечку. «Для этюдов», — решила я.

Конечная цель поездки у всех одна-Мелихово. Задачи — разные. Желни ну, пожалуй, спокойней всех: старый, опытный настройщик, он, конечно, хорошо выполнит свою миссию — приведет в порядок рояль в чеховской гостиной. Сергей Михайлович в Мелихове — как дома; в усадьбе и ее окреста ностях он сделал около двухсот рисун ков и сделать еще два, специально для «Литературной газеты» — не тан уж ему трудно. А что ждет меня? Какова экспозиция? Удастся ли разыскать кого-нибудь из современников, помня щих Антона Павловича? Говорят, в деревне Угрюмово есть старушка, знав историю семьи бакалейщика,

описанную в повести «В овраге», будто эта старушка утверждает, что все события описаны правиль но, но вот маленького-то Аксинья не кипятком обварила, а стукнула чем-то тяжелым, он и помер, а насчет ковшис ка с кипятком — это-де Антон Павлос вич сам сочинил. Вот бы расспросить ее поподробнее...

...Едва мы вошли в только что открывшийся дом-музей, построенный по описаниям Марии Павловны и эскизным чертежам Сергея Михайловича, как Желнин углубился в изучение рояля, Сергей Михайлович прошел в кабинет директора, передал ему в дар привезенные документы из семейного архива и... складную скамеечку. которую Антон Павлович постоянно брал с собой на рыбную ловлю.

Я стала осматривать дом. Это не была выставка, посвященная всей жизни и творчеству Чехова. Она охва-тывает лишь мелиховский период. — Нак удалось вам через столько

лет собрать вещи, принадлежавшие Чехову? — спросила я директора музея. — Многое прислала нам Мария Павловна из Ялты. Часть сохранилась в

Москве у родных, вот как та скамеечка, Письменный стол и кресла доставил сюда Михаил Прокофьевич Симанов, наш нынешний смотритель музея. Мы познакомились.

— Скажите, как вы узнали, что эти веши принадлежали Чехову?

— А как же я мог не узнать? Я их столько раз тут при Антоне Павловиче сам видел. Я же часто мальчишкой сюда бегал. Я уж тогда сапожником был, вместе с отцом за верстаком работал.

- Сапожником? Это не ваш ли отец «по секрету» починил Антону Павловичу сапоги в благодарность за то. что тот вылечил его жену и самого. его, не взявши денег?

— Нет, сапоги чинил не отец, а дед мой, тоже сапожник, а я их рано утреч-

Музей-усадьба Мелихово. Дом А. П. Чехова. Рисунов С. М. ЧЕХОВА

Мелихово, 1960

ком принес сюда и отдал горничной, Антон Павлович как стал обуваться, увидал сапоги и говорит: «Подлог, са-поги не мои. На моих набоек не было и подметки здесь новые». Ну, горнич-

ная все ему и рассказала... Слово за слово, Михаил Прокофье вич рассказал любопытный эпизод:

Во время Великой Отечествен ной войны на балкончике флигеля установили зенитный пулемет. Я-то знал, что домик хрупкий, от стрельбы может рухнуть, и стал хлопотать, чтобы пулемет убрали. Да к начальникам ведь не пройдешь, не пускают. Тогда взял я книжку «Мужики» и пошел во флигель. «Ты куда?» - спрашивают, «Да вот солдатам книжку несу почитать». Пропустили. Вошел я во флигель, отдал книжку и стал рассказывать, как Антон Павлович сам строил этот дом, как любил его, как в нем работал, и сказал им, что жалко будет, если дом развалится. Прошло дня три, и смотрю, убирают пулемет с балкона. Так он и не выстрелил ни разу, и флигелек наш уцелел.

Во флигеле, куда мы зашли позднее, все стояло на своих местах, кам при Чехове: побывавшие в Ядте кровать с тумбочкой в крошечной спальне-«духовке», как прозвал ее Антон Павлович за то, что в ней и зимой и летом было очень жарко, и письменный стол в кабинете, за которым писалась «Чайка». На столе — маленький бонза, вывезенный из путешествия на Сахалин. На стене старинные часы с маятником.

— Перед отъездом в Ялду, — за-метил Авдеев, — Антон Павлович подарил их своей горничной. Она умерла четыре года назад, часы эти остались у ее сводного брата Андрея Александровича Журавлева.

— Где бы его найти? - Нет ничего проще: он служит у

нас истопником.

Мы застали Журавлева за работой. На правой щеке Андрея Александровича резко выделялся глубокий шрам.

— Это мальчишки меня полосну ли, когда я скот прогонял. Тут, недалеко от усадьбы, это случилось. Прилеко от усадьові, это слу на к Антону вели меня всего в крови к Антону вашил шеку. С Павловичу, он мне и зашил щеку. С тех пор я у них и остался вроде как воспитанником. Антон Павлович сказки мне часто рассказывал, хотел, чтобы я учился. Он мне ранец, книжки, пенал купил, подарил штаны и рубашку, а к зиме обещал шубу и валенки...

Старушку в деревне Угрюмово повидать мне не пришлось — она недава но умерла. Так и осталась невыясненной история с загубленным младенцем.

Возвращаясь в усадьбу, шла я по широким улицам колхоза имени Чехо-Проходя мимо школы, выстроенной Чеховым почти напротив усальбы. вспомнила, как сетовал Антон Павлович по поводу тяжелого положения учителей. Он писал об учителе из Талежа Алексее Антоновиче Михайлове: «Учитель получает там 23 рубля в месяц, имеет жену, четверых детей, и уже сед, несмотря на свои 30 лет. До такой степени забит нуждой, что о чем бы ни заговорил с ним, он все сводит к вопросу о жалованьи».

Поздно вечером, возвращаясь из Мелихова, мы проезжали мимо кварталов новых домов, выросших на одной из бывших окраин Москвы.

И мне пришли на память слова, услы шанные два часа назад от научного сотрудника музея Л. Я. Лазаренко.

— В одном из новых домов, — сказала она, - живет старая учительница Мария Алексеевна Михайлова. Сейчас она на пенсии. У нее отличная квартира. И, если случится, она охотно расскажет вам, как ужасно жили учителя в прежнее время. Она хорошо знает это со слов своего отца: Мария Алексеевна - дочь того самого учителя из Талежа, о котором коглато писал Антон Павлович Чехов.

Е. ПЕЛЬСОН

ХУДОЖНИК

себе, что такое был Чехов для меня, подростка девяностых го-

Дов. Чеховские книги казались мне в девяностых годах единственной правдой обо всем, что творилось вокруг. Читаешь чеховский рассказ или повесть, а потом глянешь в окошко и видишь как бы продолжение того, что читал. Все жители нашего города — все, как один человек, — были для меня

персонажами Чехова. Других людей как будто не существовало на свете. Все их свадьбы, именины, разговоры, походки, прически и жесты, даже складки у них на одежде, были словно выхвачены из чеховских книг. И всякое облако, всякое дерево, всякая тропинка в лесу, всякий городской или деревенский пейзаж воспринимались мною, как цитаты из Чехова. Такого тождества литературы и жиз* ни я еще не наблюдал никогда.

Может быть, потому, что в его произведениях так полно выражалось наше собственное ощущение мира, я, провинциальный мальчишка, считал его величайшим художником. какой только существовал на земле. Помню, в гимнавии, говоря о «Колясне» Гоголя, я выразился, к негодованию учителя, она так хороша, будто написал ее Че-

И если в романе или рассказе Тургенева мне особенно нравился какойнибудь зорко подмеченный образ, написанный свежей, энергичной, уверен-

ной кистью, я говорил: Это совсем как у Чехова! Главное, нельзя было и вообразить себе другого писателя, который в ту давнюю пору был бы для меня роднее,

Всеведущими казались мне гении, создавшие «Войну и мир» и «Карамазовых», но их книги были не обо мне, а о ком-то другом. Когда же в приложении к «Ниве», которую я в ту пору выписывал, появилась чеховская повесть «Моя жизнь», мне почудилось, будто эта жизнь и вправду моя, словно я прочитал свой дневник — жизнь неприкаянного подростка девяностых годов. И рассказ «Володя» был весь обо мне, так что мне даже стыдно было читать его вслух, и я не переставал удивляться, откуда Чехов так знает меня, все

мон мысли и чувства. Чехов был для меня и моих сверстников мерилом вещей, и мы явственно слышали в его повестях и рассказах тот голос учителя жизни, которого не

расслыщал в них ни один человек из так называемого поколения отцов.

ству мы подчинялись так охотно и радостно, как не подчинились бы самым громким нравоучительным лозунгам. Казалось бы, весь поглощенный своей гениальной живописью, он меньше всего притязал на роль проповедника. идейного вождя молодежи, а между тем от многих темных и недостойных поступков нам удалось уберечься лишь потому, что он, словно щелоком, вытравлял из нас всякую душевную дрян-

Других учителей у меня не было. Даже легальные марксисты оставались для нас неведомыми. Боевые программы народников к тому времени уже окончательно выродились в плоские, бескрылые прописи, а модное в ту пору толстовство, воплотившееся в секту косноязычных и унылых святош, оттал-

книг казался им общественным несчастьем. «Хуже всего то, что у него есть талант», — говорили они и считали своей священной обязанностью спасать

Меня они спасали не раз — те из них, которые относились ко мне благосклонно. Чуть они узнавали о моей «одержимости Чеховым», они начинали смотреть на меня как на опасно больного и в качестве античеховских снадобий предлагали мне журнальные повести Засодимского, Бажина, Мачтета, Михайлова-Шеллера, но какими стоеросовыми, сусальными, убого-фальшивыми казались мне эти якобы «идей» ные» книги на фоне сурово правдивой и утонченной чеховской живописи. Вообще проповедь этих нравоучительных книг была так трафаретна, схематична, навязчива, что из молодого протеста

Корней ЧУКОВСКИЙ

Каким-то загадочным образом — я тогда не понимал, почему — его творче-«Ваал».

кивало своей пресной бесцветностью. И мне оставалось единственное при-бежище — Чехов. И всех людей я делил тогда на два враждующих стана: на тех, кто «чувствует Чехова», и на тех, кто «не чувствует Чехова». И мне даже пико вспомнить, какую наивную ненависть внушала мне та порода людей, для которых Чехов был чужой. А таких в ту пору было много, и раньше всего - большинство стариков. Те, кому тогда было за сорок, у кого в воло-сах была проседь, составляли дружную оппозицию Чехову. Широкий успех его

наперекор опостылевшей проповеди. Главная бела этих книг была в том. что к началу девяностых годов из слова «идеал» уже окончательно выветрилось его прежнее боевое значение, которое

против их затхлой ди-

дактики я готов был поступать наоборот,

было присуще ему в шестидесятых и семилесятых голах, и в пору моей юности оно уже стало абстракцией, лишен ной какого бы то ни было реального смысла. Уже у Надсона оно звучало пустышкой — лишь как неизменная рифма к столь же абстрактному слову весть» — живокровная в шестидесятых годах повесть Чернышевского, Помя-

Вообще так называемая «идейная половского, Василия Слепцова, насыщенная классовой борьбой той великой эпо-- превратилась у эпигонов народничества в пустопорожнюю схему, по существу глубоко реакционную, лживую, приманчивую лишь для бездарных

...В чем видели современники Чехова силу и красоту его творчества, - особенно рельефно сказалось в тех статьях и стихах, которые были вызваны смер-

Один стихотворец, например, гово-Спи с миром, великий и чистый певец

Великой и чистой печали... И другой вслед за ним — слово в

Так ты учил, певец печали,

Певец тоски страны родной,

И струны чуткие рыдали,

И мы рыдали за тобой.

•И третий, и четвертый, и пятый, и — все они славили Чехова как самого слезливого плакальшика:

И нищету ума, и сон наш безмятежный,

И скуку жизни всей слезами ты

Я нарочно цитирую здесь не солистов поэзии, а массовый дружный хор тех дюжинных, гуртовых, безличных, почти безымянных писателей, которые, являясь, так сказать, полголосками общепризнанных идей своей эпохи, всегла воспроизводят с максимальною точностью общеобязательные иллюзии, предрассудки, миражи создавшего их поко-

Именно в силу их безличия и дюжин-

ности в их стишках лучше всего отразилось то трафаретное, штампованное мнение о Чехове, которое было канонизировано тогдашней эпохой.

То были массовая слепота, массовый гипноз, эпидемия. Среди этих слепых одним из немногих зрячих оказался автор своеобразного стихотворения о Чесовершенно непохожего на все остальные и, в сущности, враждебного Стихотворение прошло незамечен-

ным, так как в нем не было ни «унылых аккордов», ни «мелодии слез», была, пусть и неполная, правда о Чехове, совершенно свободная от той дешевой банальщины, которой требовал тоглашний читатель.

Стихотворение суховатое, без всяких эмоций, без лирики. Оно похоже на беглый карандашный набросок. И все же в нем видится мне подлинный Чехов, тааким он был на самом деле, хоть и воспринятый только с одной стороны. Поэт зарисовал его в Ялте. Чехов, больной, одинокий, вышел из своего белого дома и бродит по саду:

Хрустя по серой гальке, он прошел Покатый сад, взглянул по водоемам, Сел на скамью... За новым белым домом Хребет Яйлы и близок и тяжел...

Лни Чехова уже сочтены, и он хорошо это знает: Он, улыбаясь, думает о том, Как будут выносить его-как сизы

На жарком солнце траурные ризы,

Как желт огонь, как бел на синем дом. Самое уливительное в этих строках - неожиданное слово «улыбаясь». Помню, когда я читал их впервые, оно поразило меня больше всего: как может человек улыбаться, думая о собственных похоронах? Разгадка этой странно сти — в заглавии. Стихотворение называется «Художник». По мысли автора, Чехову как художнику до такой степени было любо и весело воссоздавать в своем воображении ту или иную карти* ну материального мира, все ее краски, очертания и образы, что он с улыбкой рисовал перед собою даже картину своих похорон — всю до мельчайших деталей: и солнечные блики на черных одеждах, и огоньки восковых погребаль-

Автор стихотворения — Бунин, хорошо и близко знавший Чехова. Возможно, что приведенные строки всего лишь вымысел, предположение, догадка, но все же мне сдается, здесь очень верно подмечено и выдвинуто на первое место самое что ни на есть основное в личности и творчестве Чехова: его ненасытный, никогда не ослабевающий, жгучий, живой интерес ко всякому прояв" лению жизни, ко всякому ее воплощению в зримых и осязаемых образах. Зримый и осязаемый образ — главный ресурс его творчества и, как мы ниже увидим, главнейший посредник между ним и читателем. Мало было в русской литературе художников, которые так услаждались бы образами, так жаждали бы их подмечать, так охотились бы за ними повсюду и, главное, обладали бы таким виртуозным, непревзойденнейшим искусством высказывать при помов щи простых и, казалось бы, незатейливых образов самые сложные, тонкие,

почти неуловимые мысли и чувства. Здесь была основа основ его творчества. И хотя невозможно сводить, вслед за этим стихотворением Бунина, все внутреннее содержание Чехова к этой одной-единственной черте его духовного склада, мы, принимаясь за изучение его художнических приемов и методов, должны с самого начала сказать, что

она в его творчестве особенно поражает. Всякий кусок жизни со всеми своими запахами, красками, звуками, формами неотразимо привлекал к себе Чехова. — будет ли это человек, или птица, или морская волна, или облако, - и для него было истинным счастьем запечатлевать эти образы в слове, ибо каждый из них был дорог ему как на ходка, как подарок, как обогащение

И не было в окружающей жизни такой самой ничтожной и мелкой детали, которою вздумалось сы ему пренебречь.

Со стороны это чрезмерное внимание к деталям могло даже показаться порою диковинным. Кто, например, кроме Чехова, стал бы в письме к домочадцам сообщать ни с того ни с сего, как именно держит свой рот во время произнесения слов тот или иной незнакомый субъект, встреченный случайно в ва-

Но Чехову это так интересно, что он в одном из своих писем к родным сообщает как немаловажное сведение, что некий пассажир в его поезде, «прежде чем сказать слово, долго держит раскрытым рот, а сказав слово, долго рычит по-собачьи: э-э-э-э...»

И в том же письме об одной таганрогской девице: «...когда она смеется, то нос ее прижимается к лицу, а подбородок, морщась, лезет к носу».

И какое, например; было дело его другу Суворину до всех многочисленных членов той захолустной семьи, у которой Чехов снял дачу в конце восьмидесятых годов! Но Чехову эти люди (как и всякие другие) до того любопытны, что он исписывает мелким почер ком семь или восемь страничек письма,

подробно сообщая, что одна из хозяен дачи, костистая, как лещ, мускулистая, сильная, мужского телосложения, загорелая, горластая девица, другая ходит «по темной аллее, как животное, которое заперли», а третья обладает такими-то и такими-то качествами, а братья у них такие-то, а мать добрая, сырая старуха (и тут же следует изображение — словом, написал целую галерею портретов, изображаю. щих каждого из хозяев дачи, на которой он собирался провести два ме-

Но Чехову это было так любопытно, что он с охотничьим азартом выслеживал, как дорогую добычу, каждый, ка* залось бы, зауряднейший факт окружавшей его обыденности:

и то, что гуси на зеленом лугу тянут. ся длинной белой гирляндой; и то, что голуби, взлетев над голу: бятней, становятся золотыми от солнца; и то, что трусливая собака подходит

к хозяину так, словно лапы ее касают* ся раскаленной плиты: и то, что беременная дама с короткими руками и длинной шеей похожа на

и то, что рудевой на пароходе вертит колесо с таким видом, будто исполняет «Девятую симфонию»

часть лина по того велика, что кажет. ся, будто она держит во рту большой и то, что какой-то судейский чинов

и то, что у пожилой дамы нижняя

ник являет собою густую смесь Ноздрева, Хлестакова и собаки; и то, что в городе Екатеринбурга каждый извозчик похож на Добролю-

и то, что, если даму, с которой он вчера познакомился, раздеть голой и выкрасить в зеленую краску, получит

ся болотная лягушка: и то, что недобрые люди, смеясь. никогда не разжимают зубов; и то, что чем человек глупее, тем

легче понимает его лошадь: и то, что, когда выпадает в Москве первый снег, все становится мягко и молодо и в душу просится «чувство, похожее на белый, молодой, снег», и находится под властью этого

молодого снега: и тысячи таких же зорко полмечен ных - то поэтически светлых, то гоустных, то гротескио забавных подробноч стей жизни, к накоплению которых оя вечно стремился, о чем свидетельству. ют все его письма, особенно ранние: сеч мидесятых, восьмидесятых и начала девяностых годов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 28 января 1960 г.